

Микельанджело

Рафаэль

Шекспир

Байрон

Когда строительство особняка было окончено, Демидовы переехали сюда, а городской дом 10 октября 1909 года за 140 тысяч продали некоему П. П. Котляревскому.

Поместье получилось на славу. Фасад украшен двадцатью четырьмя портретами — почти метровыми барельефами из белого итальянского мрамора: Микельанджело, Рафаэль, Веласкес, Шекспир, Байрон, Гюго, Пушкин... Во дворе и прилегающем парке — итальянские пинии, саженцы которых прислала старшая сестра Леночки Аврора. Она тогда уже была замужем за итальянским послом. Конечно же, ей хотелось, чтобы и у сестрички брак был удачным и счастливым. Поиски жениха не были пущены на самотек. Родительский выбор —

главный телеграфист станции Одесса-Главная. По тем временам, инженер связи — профессия редкая, достойная уважения. Молодые люди знакомятся. Инженер часто гостит у Демидовых, они с Леночкой много времени проводят вместе: гуляют по парку, в четыре руки играют на фортепиано — дело идет к свадьбе.

МОЖЕТ БЫТЬ, И ЛЕГЕНДА

О дальнейшем развитии событий мы узнали от очевидцев. Дело в том, что после Великой отечественной войны возрождающаяся Одесская киностудия по-прежнему размещалась на территориях, принадлежавших до революции Харитонову и Демидовой. Здесь в технических цехах работали одесситы, а садовником и конюхом (у студии с автотранспортом было туго, поэтому имелась своя конюшня) служили те, кто исполнял эти обязанности еще у Демидовых. Они-то и рассказали нам эту драматическую историю.

Телеграфист, очарованный Леночкой и ее богатством, видимо, умолчал о том, что у него уже была невеста, звали ее Соня. Узнав, что ускользает такой жених, Соня не могла смириться с потерей. Страшную месть задумала она сопернице. Беспрепятственно войдя во двор (тогда не запирались на сто замков и секьюрити не содержали), она вызвала на крылечко Леночку и плеснула ей в лицо кислотой...

Не рассказали садовник и конюх, была ли наказана Соня — их и спустя много лет волновала только судьба Леночки. Они утверждали, что после этой драмы телеграфист больше в поместье не появлялся, и осталась девушка один на один со своим несчастьем. Нетрудно представить, что при этом испытывала и мама... Когда зарубцевались раны на лице и груди, Леночка по ночам стала выходить во внутренний дворик, чтобы вдали от глаз людских подышать воздухом. Психика ее не выдержала, и в конце концов она в домовой церкви накинула себе петлю на шею.

Спасла ее анфиладная планировка особняка — там нельзя было надежно уединиться, все комнаты просматривались, и когда приглядывавшая за Леночкой прислуга не увидела ее нигде, она бросилась в еще одну дверь — в домовую церковь. Успела. Несчастную вынули из петли, откачали. И было при-

нято решение отправить ее в Италию, в Пратолно, к старшей сестре — лечиться. Психику вылечили, а лицо... Даже в наше время эта проблема трудноразрешима.

Вот такая история, очень смахивающая на легенду, вполне созвучную фильмам тех лет с участием Веры Холодной. Единственным «документальным» подтверждением может служить разве что такое обстоятельство: все Демидовы были не прочь запечатлеть себя и на живописных полотнах, и на появившемся со временем новшестве — фотографии. Портрета Елены Петровны Демидовой нет нигде. Длительные и тщательные поиски не увенчались ничем — мамин портрет удалось разыскать аж в Америке, а изображений ее несчастной дочери, по понятным причинам, нет нигде. Но достоверно известно, что и в Италии она активно занималась благотворительной деятельностью, направленной на итальянских детей-сирот: содержала за свой счет четыре детских дома.

А что же мама, Елена Петровна? Отправив дочку в Италию, она осталась одна и с новой силой занялась благотворительностью, на этот раз целиком направленную на обитель и обительниц женского монастыря. Может быть, в молитвах она искала утешение, ибо на ее судьбу выпали непрстые испытания — смерть первого ребенка, безвременная кончина мужа, несчастье с любимой дочерью. В феврале 1919 года Елена Петровна Демидова, княгиня Сан-Дonato, отдала Богу душу — ушла в лучший мир, где, как утверждают, «несть ни заботы, ни печали». Как хотелось бы в это верить...

ПЕРЕЖИВУТ ЛИ НАС КАМНИ?..

Восемнадцатый и девятнадцатый годы минувшего столетия для Одессы, как ни для какого другого города в державе, были полны драматических событий. Постоянная и далеко не бескровная смена властей: Центральна рада, Директория, гетьман, австро-венгры, французы, Петлюра, атаман Григорьев, Военно-революционный комитет, Деникин, Советы... Когда, наконец, произошел последний, десятый переворот и власть перешла в руки рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов, жизнь как-то начала обустраиваться. Одним из страшных наследий гражданской войны было большое ко-

личество беспризорных детей-сирот. Сохранившийся в целости особняк Демидовой был превращен в детский приют. Символично: в Италии деньги Елены Петровны, а в Одессе — ее особняк служили одному и тому же делу — помощи обездоленным детям.

Правда, детям не очень удобно было в демидовском поместье — анфиладная планировка была приспособлена совсем для другой жизни. И тогда молодая советская власть быстро построила почти рядом не блещущий архитектурными красотою, но удобный дом и освободила поместье.

В городе, разоренном Гражданской войной и интервенциями, царил голод. Советская власть, исповедуя известный принцип, что народу нужно дать хлеба и зрелищ, пока что не могла справиться с голодом и решила дать хотя бы зрелища. Работавшие до Гражданской войны шесть частных кинотеатры, производящие фильмы, множество кинотеатров, где их показывали — все мертво. Хозяева киностудий убежали за границу, профессионалы-кинематографисты остались без работы, без куска хлеба. Остатки всего этого производства были национализированы, профессионалы разных студий собраны вместе, и на территории кинофабрики Харитоновой была создана первая в стране государственная кинофабрика. Но у Харитоновой в съемочном павильоне разбиты стеклянная крыша и стены, другие необходимые строения разорены... А рядом, за забором — абсолютно нетронутое и пустое поместье Сан-Донато. Вот тогда забор снесли, земли объединили, и в особняке Демидовой разместилась и дирекция, и бухгалтерия, и отделы — сценарный, плановый, производственный, цех подготовки съемок, монтажная мастерская, гримерка... И ожило в Одессе кино!

В этих стенах работали ставшие потом известными кинорежиссеры, гордость нашей кинематографии — Петр Чардынин, Александр Довженко, Лесь Курбас, Иван Кавалеридзе, Григорий Рошаль. В этих комнатах перед худсоветом защищали свои сценарии Исаак Бабель, Владимир Маяковский, Станислав Уэйтинг-Радзинский (отец ныне хорошо известного популяризатора истории Эдварда Радзинского), руководил

сценарным отделом Юрий Яновский. Здесь гримировались актеры Амвросий Бучма, Николай Охлопков, Юрий Шумский, Семен Свашенко, Юлия Солнцева, Татьяна Токарская, Тамара Адельгейм...

Непоправимый урон нанесла студии фашистская немецко-румынская оккупация 1941 — 1944 г. Погибли все материалы, свидетельствовавшие, что здесь снималось кино. Особняк нуждался в ремонте — ни о какой научной реставрации, конечно же, не могло идти и речи. Но именно отсюда началось возрождение Одесской киностудии, тут был утвержден ее символ — бригантина. Здесь, в левом крыле, в монтажной мастерской монтировались «Весна на Заречной улице» Миронера и Хуциева, «Жажда» Евгения Ташкова, «Зеленый фургон» Генриха Габая, первые фильмы Киры Муратовой, Петра Тодоровского, Радомира Василевского, Станислава Говорухина. А в домово́й церкви был маленький просмотровый зал, где принимали готовые фильмы дирекция и худсовет. Большие же премьеры проводились в главном просмотровом зале, который разместился в просторном помещении, где у Демидовых была оранжерея, зимний сад. Во флигеле для прислуги долгое время существовала студийная столовая, где

